

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В НАУЧНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «ПОЛНОГО КУРСА ЛЕКЦИЙ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ» С.Ф. ПЛАТОНОВА)

Анализируется функционирование концептуальных метафор, репрезентированных в системе образных лексических номинаций в научном историческом тексте – «Полном курсе лекций по русской истории» С.Ф. Платонова. Анализ метафорических номинаций дает представление о том, как отражаются в метафорическом зеркале особенности интерпретации исторического процесса данным автором.

Ключевые слова: метафорология; лингвокогнитология; концепт; дискурс.

Актуальность исследования систем метафорических номинаций научного текста определяется интересом современного языкознания к выявлению глубинных когнитивных механизмов и их языковых репрезентаций в текстовых структурах разных дискурсов. Когнитивная лингвистика знаменует собой новый этап исследований характера связей речевой и мыслительной деятельности. Язык при этом рассматривается не как отдельная замкнутая система, а как часть целого, лингвоментального механизма. Одной из основных задач современной когнитивной лингвистики является анализ когнитивных процессов, лежащих в основе формирования языковых единиц разных уровней, осуществления процессов речепорождения. Исследования данного направления развивают идею о том, что между когнитивными и языковыми структурами существует взаимная зависимость, при этом языковая форма не только является отражением когнитивных механизмов, но и принимает активное участие в их организации.

В ряду языковых форм репрезентаций когнитивных процессов значительное место занимает метафора. Одним из основных направлений метафорологических исследований, разрабатываемых в последнее время, является исследование ее смысломоделлирующих возможностей. С опорой на уже имеющиеся в сознании устойчивые образы человек в метафорических номинациях обозначает новые концепты действительности (Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, А.Н. Баранов, В.Г. Гак, Г.Н. Скляревская, В.Н. Телия, Д. Лакофф и М. Джонсон, А.П. Чудинов, Д.Н. Шмелев, З.И. Резанова и др.).

Актуальность представленной в статье темы исследования обусловлена тем, что развитие когнитивной науки в конце XX в. вновь актуализировало проблему стилей научного мышления, аспектировав ее относительно противопоставления гуманитарного, естественно-научного, математического типов отражения действительности, а также относительно роли индивидуальных стилей научного мышления в познании. Проблема стилей научного познания, в свою очередь, связана с вопросом о языковых способах их маркирования, которая разрешается с привлечением теории концептуальной метафоры.

Данная статья посвящена изучению функционирования концептуальных метафор, репрезентированных в системе образных лексических номинаций научного исторического текста. Концептуальная метафора в работе рассматривается, вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, как когнитивный механизм интерпретации одной понятийной сферы в терминах другой [1. С. 388]. В текстовых структурах концептуальные мета-

форы объективированы в рядах лексических метафорических номинаций, т.е. лексических единиц, имеющих вторичное, переносное значение, построенное на основе аналогического уподобления прямому номинативному значению.

Хотя вопрос об уместности метафоры в научном тексте некоторое время оставался спорным, в настоящее время метафора рассматривается как «средство научного познания» (М. Хэссе, Р. Хоффман, Г. Грубер, Дж. Брунер, Э. Кохран, Р. Браун, М. Уайт, Ф.Р. Анкерсмит, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, З.И. Резанова, Н.А. Мишанкина и др.). В работе Р. Анкерсмита «История и тропология: взлет и падение метафоры» утверждается ведущая роль метафорического моделирования в научном историческом дискурсе [2. С. 496]. Эти же идеи высказывает и Р. Барт, отмечая, что исторический дискурс «представляет собой прежде всего идеологическую, точнее воображаемую конструкцию, – в том смысле что воображаемое есть тот язык, которым управляет дискурс (существо чисто языковое) «заполняет» субъекта высказывания (существо психологическое или идеологическое)» [3. С. 427–441]. Вследствие этого ученые отмечают роль исследований «тропеических структур» исторических научных произведений, в число которых в первую очередь следует отнести метафорические структуры: «...любое исследование конкретного исторического дискурса, которое игнорирует тропологическое измерение, обречено на неудачу в том смысле, что в его рамках невозможно понять, почему данный дискурс «имеет смысл» вопреки фактическим неточностям, которые он может содержать, и логическим противоречиям, которые могут ослаблять его доказательство» [4. С. 8]. Таким образом, обращение к метафоре как лингвокогнитивному механизму интерпретации действительности может рассматриваться как ключ к пониманию особенностей интерпретации объекта научного исторического познания.

В последнее время в изучении историографии прослеживается тенденция совмещения исторического и гуманитарного опыта в целом. В фокусе исследования находится не только история как труд ученого, но и личность историка: «Модель исторического исследования непосредственно связана с личностью историка, с его индивидуальностью, эту модель невозможно изучать вне такого понятия, как “образ историка”» [5. С. 3]. В связи с предпринимающимися попытками по-иному проинтерпретировать историю, характерным становится обращение к изучению тенденций в развитии истории как науки в их обусловленности личностными особенностями автора, стиля его письма.

Особый интерес ученых, занимающихся проблемами развития историографии, вызывает период XIX–XX вв., время, отмеченное в отечественной исторической науке наиболее мощным историко-методологическим подъемом. Ярким представителем ученых-историков данного периода, внесшим большой вклад в российскую историческую науку, стал Сергей Федорович Платонов. Более всего С.Ф. Платонов известен своим сочинением «Полный курс лекций по русской истории» [6]. Помимо того, что критиками (В.С. Иконников, В.Н. Сторожев, М.А. Полиевктов и др.) данная работа была оценена как строго научная, особый интерес к работе вызвал психологический фактор, который, по словам исследователей, составляет антропологическую основу описания исторической действительности С.Ф. Платоновым.

Предмет исследования в статье – метафорическое моделирование исторического процесса в научном тексте, задача – анализ метафорического представления истории русским ученым С.Ф. Платоновым в «Полном курсе...», выявление того, как отражаются в метафорическом зеркале особенности интерпретации исторического процесса данным автором, в частности его представления об этапах политического, экономического, культурного развития родной страны, его отношение к властным структурам и простому народу, к условиям их жизни, его реакция на важнейшие события в жизни государства.

Каждый тип дискурса характеризуется своим набором метафорических моделей, частотность и доминантность которых маркируют своеобразие картины мира соответствующего автора. Под метафорической моделью понимается «схема формирования метафорического значения, характеризующаяся единством тематической отнесенности номинативных и переносных метафорических значений, типа ассоциативного уподобления, являющаяся языковой репрезентацией типового соотношения соответствующих понятийных сфер» [7. С. 37]. Свообразие текстового функционирования метафор определяется, во-первых, тематической направленностью метафор (в терминах когнитивной лингвистики – сфера-мишень метафорической экспансии), во-вторых, совокупностью оснований метафорического уподобления (сфера-источник). Типы сферы-источника и сферы-мишени закономерно соотносятся друг с другом в рамках конкретных метафорических моделей.

Метафорические номинации, функционирующие в тексте «Полного курса...» С.Ф. Платонова, участвуют в моделировании явлений трех понятийных сфер: 1) история и исторический процесс; 2) топосы исторического процесса; 3) субъекты исторического процесса. Охарактеризуем базовые метафорические модели данных сфер.

1. История и исторический процесс.

Базовой моделью интерпретации истории как совокупности фактов прошлого, а также отдельных исторических событий и фактов в качестве движущихся в пространстве субъектов является История, протяженная во времени; метафорически она интерпретируется как протяженная в пространстве.

В зависимости от смысловой нагрузки описываемого автором факта истории в фокус попадают различные

компоненты данной модели: пункт отправления, сам процесс движения, описание маршрута и пункт назначения. Приведем примеры: **направление**: «...систематически в **правительственной деятельности времени Елизаветы** было только общее ее **направление**, по сравнению с предшествовавшей эпохой более гуманное и строго национальное, причем **эта национальность направления** заключалась в одном... **управлять Русским государством при помощи русских же людей**» [6. С. 439]; **ход**: «общий **ход** того или другого исторического **процесса**» [Там же. С. 8]; «**постепенный ход реформ Петра великого**» [Там же. С. 354]; **дорога**: «...бессознательно **или по дороге, проторенной Петром**, и, не думая о подражании Петру, в сущности, подражали ему» [Там же. С. 417]. К метафоре **путь** автор прибегает тогда, когда хочет актуализировать идею достижения цели исторических событий: «**Путь к таким улучшениям Петр видел в развитии национальной промышленности и торговли**» [Там же. С. 371]; «...**правительство Александра стало на путь реакции и пиетизма**» [Там же. С. 525]. В целом все метафоры движения способствуют созданию образа динамического преодоления препятствий, актуализируя семантику начала, продолжения или завершения различных исторически значимых событий и процессов ради достижения поставленной цели: «**Дипломатические отношения России с Западом пошли гораздо живее со времени путешествия Петра**» [Там же. С. 337]; **Сама Екатерина пока не шла далее. Но пошел далее виднейший ее советник Н.И. Панин**... Панин подал императрице обстоятельно мотивированный проект учреждения императорского совета» [Там же. С. 337]; «**С течением времени Петр все определеннее и энергичнее шел к поставленной цели**» [Там же. С. 371]; «...**правительственная деятельность Грозного шла под влиянием «избранной рады» и отличалась добрыми свойствами**» [Там же. С. 115]; «**В Москве, благодаря Тушину, все сословия дошли до глубокого политического разврата**» [Там же. С. 173].

Из примеров видно, что в представлении автора процесс исторического развития связан с образом движения по дороге, с тем, что следует пройти, чтобы достичь какой-либо цели.

2. Топосы исторического процесса.

Исследование текста «Полного курса...» С.Ф. Платонова показало, что его автор, часто прибегая к метафоре как базовому языковому способу воплощения авторского замысла, сочетает данный лингвокогнитивный прием с использованием метонимии. Метонимия, взаимодействуя с метафорой, также является способом выражения понимания ситуации, оценкой автором различных аспектов жизни, фактов истории России.

Среди представленного спектра метафорических, а также метафоро-метонимических моделей, характеризующих топосы исторического процесса, нами были выделены две основные. Первая модель – субъектная, в которой географическое понятие представлено в образе активного субъекта, выполняющего конкретные действия. При репрезентации данной модели метонимическая и метафорическая интерпретации топоса осуществляются по базовой модели «**топос – человек**». Такая модель позволяет осмыслить исторические процессы в

терминах человеческих мотиваций, характеристик и деятельностей. Исходя из контекста, через призму категории «человек» С.Ф. Платонов приписывает топосу исторического процесса признак социальной активности, рационализма, физического и психического здоровья. Все эти качества понимаются автором как форма внутренней духовности географического объекта. Благодаря персонифицированному образу, географический объект, будь то город или государство, не делится на регионы, государственные и политические структуры, а представляется единым субъектом, репрезентируемым в тексте как личность, способная на ведение военных действий или принятие государственных решений.

Военные действия, описываемые С.Ф. Платоновым, характеризуются с опорой на образные ресурсы метафоро-метонимических переносов, где под именем *Россия* автор обозначает военные силы страны, которые представлены в серии антропоморфных метафорических образов. Метонимические переносы в сочетании с метафорическими в первую очередь задействованы при характеристике тех моментов истории, когда Российское государство, города России описываются как непосредственные участники военного конфликта: «*Понимая, что Русь окажет ему стойкое сопротивление, Мамай собрал большую рать*» [6. С. 89]; «*Русь ожидала страшного нашествия и готовилась к обороне*» [Там же. С. 92]; «*...в XIII в. являются те враги, с которыми Русь только недавно кончила борьбу*» [Там же. С. 165]; «*Великий князь собрал большое войско... решившись отразить врага. Москва была готова к осаде*» [Там же. С. 92]; «*Все понимали, что теперь Русь не поддастся, как прежде, нашествиям Орды*» [Там же. С. 91]. Благодаря совмещению метафорического и метонимического переносов, в приведенных контекстах осмысливается не сам географический объект, а населяющие его жители, власть и, в большинстве своем, военные структуры.

В «*Полном курсе...*» С.Ф. Платонова метафорические единицы, характеризующие топосы исторического процесса в качестве активного субъекта, представлены глаголами в сочетании с существительными в винительном падеже без предлога, характеризующими эмоциональное состояние: «*...первые успехи московских князей... имели своим последствием решительное преобладание Москвы над другими уделами, а это, в свою очередь, вызвало сочувствие Москвы со стороны боярства, духовенства и народной массы*» [Там же. С. 87]; «*Опалы, ссылки и казни заподозренных лиц, насилия опричников над «изменниками», чрезвычайная распушенность Грозного, жестоко истязавшего своих подданных во время оргий, – все это приводило Москву в трепет и робкое смирение перед тираном*» [Там же. С. 121]; «*Москва после переворота не скоро пришла в себя*» [Там же. С. 91]. В последнем примере автор, характеризуя население и власть, использует метафорический фразеологический оборот (*прийти в себя* – «опомниться, успокоиться»).

Через призму категории «человек мыслящий» С.Ф. Платонов приписывает метафоро-метонимическому образу Российского государства или его столицы социальную активность и рациональный подход в решении военно-политических задач. Опираясь на персо-

нифицированный образ России (Москвы), при обозначении стратегических планов всего государственного аппарата страны (столицы) автор использует ряд существительных, передающих основные потребности Российского государства (столицы Российского государства) в военно-политическом отношении: «*По отношению к Польше задачи России состояли в том, чтобы освободить православно-русское население Польши от католическо-польского владычества, т.е. взять у Польши старорусские земли и достигнуть с этой стороны этнографических границ русской народности*» [6. С. 489]; «*Эта перемена союза в 1787 г. и воинственные замыслы России послужили причиной новых войн, упавших на Россию во вторую половину царствования Екатерины*» [Там же. С. 492]; «*Однако, не подражая ни Петру, ни Елизавете, Екатерина еще менее подражала немецким правительствам, бывшим на Руси: при ней у дел стояли русские люди и интересы России понимали чисто по-русски*» [Там же. С. 489].

Вторая модель образной интерпретации топосов исторического процесса – объектная, в которой географический объект представлен в образе некоего материального предмета, подвергающегося воздействию. В этом случае метонимическая и метафорическая интерпретации топоса осуществляются по базовой модели «*топос – предмет, испытывающий воздействие*». Анализ материала показал, что автор при описании военно-политической ситуации, сложившейся в стране, зачастую метафорически интерпретирует само Российское государство или отдельные его города как материальные ценности, ради которых ведется борьба. Если в организованной вооруженной борьбе между государствами Россия, столица Российского государства или другие ее составляющие представлены как некий субъектный образ, то при интерпретации отношения к завоевателям государство предстает в метафорических номинациях как материальная ценность.

Лексика военной тематики и метонимические номинации России и ее городов, под которым подразумеваются военные силы государства, используются в тексте в целях образной характеристики конкретных боевых действий. В зависимости от того, участников какой из противоборствующих сторон описывает автор, в тексте применяются глаголы с семантикой защиты или нападения: «*Основав особое Казанское царство, Улу-Махмет оттуда начал громить Русь, доходя в своих набегах до самой Москвы*» [6. С. 89]; «*Успехи Стефана Батория были так легки и велики не только потому, что у него был военный талант, но и потому, что он бил Россию, уже обессиленную тяжким внутренним недугом*» [Там же. С. 245]; «*Главная деятельность князей направлялась на то, чтобы... оборонить Русь от внешних врагов*» [Там же. С. 64].

С.Ф. Платонов часто метафорически концептуализирует топосы исторического процесса в образах человека и его тела. Так, при формировании образа Российского государства, в котором правительство по какой-либо причине лишено возможности должным образом реагировать на происходящие внешнеполитические изменения, автор использует фразеологический оборот «*связать руки*» (*связать руки* – «лишить возможности действовать свободно, стеснить»): «*Оборонительный*

союз с Пруссией против шведов был близоруким шагом, потому что **связал России руки**, когда Пруссия начала с Австрией войну за Силезию» [Там же. С. 420]; «Мы знаем, что это влияние (враждебных французов) и ряд ошибок, сделанных русской дипломатией, дурно отразились на международном положении России; они **связали России руки** и вынудили ее на бездействие в борьбе Пруссии с Австрией» [Там же. С. 440].

Если при образном моделировании топосов исторического процесса С.Ф. Платоновым используются прежде всего глагольные метафоры, актуализирующие аспекты участия государства и его властных структур в исторически значимых событиях, то в образную характеристику самих субъектов истории – правителей русского государства – вовлечены прилагательные.

3. Субъекты исторического процесса.

В системе лексической репрезентации образов правителей России метафора используется С.Ф. Платоновым в качестве универсального средства выражения эмоциональных оценок, которые актуализируются в основном при описании особенностей характера лица, правящего государством. При характеристике личностных качеств правителя физический признак предмета, обозначенный в прямом номинативном значении прилагательного, переносится на человека, способствуя выделению и обозначению психических свойств его характера. Так, описывая характер царя Алексея Михайловича, С.Ф. Платонов часто использует прилагательные: «мягкий»; «теплый», «светлый», «глубокий» в сочетании с существительными, передающими его внутренний мир: «*Ко всему окружающему он (Алексей Михайлович) относился с высоты своей религиозной морали, и эта мораль, исходя из **светлой, мягкой** и **доброй души** царя, была не сухим кодексом отвлеченных нравственных правил, суровых и безжизненных, а звучала мягким, прочувственным, любящим словом, сказывалась полным ясного житейского смысла **теплым отношением к людям***» [Там же. С. 290]; «*Алексей Михайлович всем, кто имел случай его узнать, казался **светлой личностью** и всех удивлял своими достоинствами и приятностью*» [Там же. С. 279]; «*Он был способен и склонен к*

самым **теплым** и деликатным дружеским **утешениям**, лучшие всего рисующим его **глубокую душевную доброту**» [Там же. С. 285].

Описывая царя Алексея Михайловича, С.Ф. Платонов наряду с положительной дает его поступкам и личностным качествам отрицательную оценку. С этой целью автор метафорически использует следующие существительные и образованные от них прилагательные: «*тень*» («теневой»), «*слабость*» («слабый»): «*До сих пор царь Алексей Михайлович был обращен к нам своими **светлыми сторонами**, и мы ими любовались. Но были же и **тени***» [Там же. С. 296]; «*...**слабость характера** была одним из **теневых свойств** царя Алексея Михайловича*» [Там же. С. 299]. Отметим, что признак «мягкий» по отношению к царю Алексею Михайловичу расценивается автором скорее как отрицательная черта характера: «*Это был прекрасный и благородный, но слишком **мягкий** и нерешительный **человек***» [Там же. С. 277].

Проведенное нами исследование показало, что отличительной чертой моделирования образов истории, событий и фактов, топосов и субъектов исторического процесса, являющихся особыми фрагментами языковой картины мира С.Ф. Платонова, является многообразие метафорических моделей их репрезентации. Выявленные базовые метафорические модели, формирующие образное ядро выстраиваемой на страницах «Полного курса...» русской истории, маркируют наиболее значимые смыслы концептосферы анализируемого научного исторического текста: история как непрерывное движение к цели, активность, целенаправленность исторического процесса, значимость субъектного фактора в историческом развитии. Как показал анализ, текст «Полного курса...» С.Ф. Платонова проявляет общую тенденцию исторического письма, отмеченного Ф.Р. Анкерсмитом, – основа исторической действительности антропологична [2]. В то же время значительное своеобразие когнитивного стиля научного мышления С.Ф. Платонова проявляется в последовательной опоре на ресурс метафорического концептуального моделирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.
2. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Колomoец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
3. Барт Р. Дискурс истории. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003.
4. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
5. Мамонтова М.А. С.Ф. Платонов, поиск модели исторического исследования: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002.
6. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Ростов н/Д: Феникс, 2005.
7. Резанова З.И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. 2010. № 1.
8. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 11 апреля 2011 г.